

В ПОМОЩЬ ИЗУЧАЮЩИМ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ИСТОРИЮ

С.И. Голотик, В.Д. Зимина, С.В. Карпенко

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ 1920 – 30-х гг.

Российская эмиграция после 1917 г. – уникальное историческое явление, обусловленное особенностями развития России в XIX – начале XX вв. Глубина и устойчивость социального раскола в дореволюционном российском обществе, пропасть между «верхами» и «низами», подавляющее преобладание в политической системе тенденции строительства и укрепления государственной машины, отсутствие различий между властью и собственностью, подмена демократического разделения властей дифференциацией функций внутри огромного бюрократического аппарата – все эти факторы предопределили характер эмиграции. Предопределили главное в ней – преобладание политической целесообразности и естественного желания сохранить жизнь над всеми материальными и моральными соображениями в пользу того, чтобы остаться на родине.

В процессе формирования российской эмиграции после 1917 г. можно выделить три этапа (или три волны эмиграции):

- эмиграция времен Гражданской войны и первых послереволюционных лет,
- эмиграция последних лет Второй мировой войны,
- эмиграция из СССР 70 – 80-х гг.

Российская эмиграция первой послереволюционной волны, часто именуемая «белой» или «антибольшевистской», занимает особое место в самом эмиграционном процессе. Будучи значительна по своим масштабам (географическим, демографическим, экономическим, социальным, политическим, идеологическим, культурным), она состояла из многих разбитых по странам диаспор¹, объединенных общероссийским прошлым и культурой. Именно это стало фундаментом «Зарубежной России» (или «Российского зарубежья») как уникального подобия государственности. Уникальность ее состояла в том, что из обычных трех составляющих – народ, территория и власть – она имела только «народ», пыталась создать «территорию» и напрочь была лишена «власти».

Географически эмиграция из России была прежде всего направлена в страны Западной Европы. Ее главной «перевалочной базой» стал Константинополь, а основными центрами – Белград, София, Прага, Берлин, Париж, на Востоке – Харбин.

Российская эмиграция времен Гражданской войны и первых послевоенных лет включала в себя остатки белых войск и

гражданских беженцев, представителей дворянства и бюрократии, предпринимателей и творческой интеллигенции, самостоятельно покинувших Россию или высланных по решению большевистского правительства.

Разруха и голод, большевистские национализация и террор, просчеты правительств Антанты, нерациональность политики белых властей и поражения белых войск породили эвакуацию антантовских войск и беженцев из Одессы (март 1919 г.), эвакуацию Вооруженных сил на юге России генерала А.И. Деникина и беженцев из Одессы, Севастополя и Новороссийска (январь – март 1920 г.) в Турцию и Балканские страны, отход Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича на территорию Эстонии (декабрь 1919 – март 1920 гг.), эвакуацию Земской рати генерала М.К. Дитерихса из Владивостока в Китай (октябрь 1922 г.).

Самой большой по численности стала эвакуация частей Русской армии и гражданских беженцев из Крыма в Турцию, осуществленная на сотне с лишним военных и торговых судов. По данным войсковой и агентурной разведки Красной армии, из крымских портов было эвакуировано до 15 тыс. бойцов казачьих частей, 12 тыс. офицеров и 4 – 5 тыс. солдат регулярных частей, 10 тыс. юнкеров военных училищ, 7 тыс. раненых офицеров, более 30 тыс. офицеров и чиновников тыловых частей и учреждений и до 60 тыс. гражданских лиц, среди которых большую часть составляли семьи офицеров и чиновников. Общая цифра, которая встречается в различных источниках, колеблется от 130 до 150 тыс.

В Турции в районе Галлиполи был размещен лагерь 1-й армейский корпус генерала А.П. Кутепова, в состав которого были включены остатки регулярных частей бывшей Добровольческой армии. На острове Лемнос расположились остатки кубанских казачьих частей, сведенные в Кубанский корпус генерала М.А. Фостикова. Донской корпус генерала Ф.Ф. Абрамова разместили в лагерях под Константинополем, преимущественно в районе Чаталджи. По сведениям командования Русской армии на 16 ноября 1921 г., в военных лагерях проживало: в Галлиполи – 26 485 человек, из них 1 354 женщины и 246 детей; на Лемносе – 8 052, из них 149 женщин и 25 детей; в Чаталдже – 8 729, из них 548 женщин и детей.

В конце 1920 – начале 1921 гг. разведорганы Красной армии получали самые разные, порой сильно расходившиеся данные о численности войск, сосредоточенных в военных лагерях, а также о количестве гражданских беженцев, живущих в Константинополе и в лагерях, расположенных в окрестностях турецкой столицы и на Принцевых островах. После многократных уточнений численность войск была определена в 50 – 60 тыс., из которых почти половину составляли офицеры, а гражданских беженцев – в 130 – 150 тыс., из них около 25 тыс. составляли дети, около 35 тыс. – женщины, до 50 тыс. – мужчины призывного возраста (от 21 до 43-х лет) и около 30 тыс. – пожилые мужчины, негодные к службе в армии.

Первую попытку подсчитать общую численность эмигрантов из России предпринял в ноябре 1920 г., еще до эвакуации Русской армии из Крыма, Американский Красный Крест. Основываясь на приблизительных данных различных беженских организаций, он определил ее почти в 2 млн. Еще примерно 130 тыс. военных и гражданских беженцев врангелевской эвакуации довели эту цифру почти до 2 млн. 100 тыс.

По данным Лиги Наций, опубликованным в сентябре 1926 г., после Октябрьского переворота 1917 г. Россию покинуло 1 млн. 160 тыс. человек.

Точную численность первой волны эмиграции установить очень сложно: слишком сильно разнятся цифры всевозможных учреждений и организаций, слишком много беженцев не было учтено при оставлении ими страны, слишком часты были приписки, которыми грешили русские организации, стремившиеся получить материальную помощь в как можно большем объеме. Поэтому в исторической литературе можно встретить самые разные цифры. Наиболее часто встречается цифра в 1,5 – 2 млн. человек, покинувших Россию в 1918 – 1922 гг.

Национальный, половозрастной и социальный состав эмигрантов отчасти характеризует информация, собранная в Варне в 1922 г. путем опроса почти 3,5 тыс. человек. Уезжали преимущественно русские (95,2%), мужчины (73,3%), среднего возраста – от 17 до 55 лет (85,5%), с высшим образованием – (54,2%).

Сразу же за эмиграцией началась и реэмиграция.

Уже летом 1920 г. на юг России, занятый Русской армией генерала Врангеля, стали возвращаться офицеры деникинских армий, выехавшие в Турцию и Балканские страны в январе – марте. По данным Полевого штаба РВСР, к середине ноября возвратилось 2 850 человек, в большинстве – из Константинополя.

В ноябре – декабре 1920 г., сразу же после высадки с кораблей частей Русской армии генерала Врангеля и беженцев, рядовые солдаты и казаки, остыв от горячки отступления и эвакуации и преодолев в себе страх перед большевиками, стали предпринимать попытки вернуться на родную землю на лодках.

3 ноября 1921 г. ВЦИК РСФСР принял декрет об амнистии военнослужащих белой армии, им была дана возможность вернуться в Советскую Россию. Свыше 120 тыс. беженцев воспользовались ею, в подавляющем большинстве – солдаты и казаки. Этому способствовали, во-первых, разочарование в Белом движении и его вождях, во-вторых, тяготы жизни в лагерях и еще более горькая и унижительная жизнь неимущих гражданских беженцев в Константинополе (отсутствие работы, жилья и еды), в-третьих, ослабление страха перед большевиками, в-четвертых, политика командования Антанты, которое видело в Русской армии опасную силу и сокращением ее содержания стремилось ускорить процесс перевода ее чинов на положение гражданских беженцев. Некоторую роль сыграл и такой фактор: после Первой мировой войны в

Россию возвращались, главным образом из Америки, трудовые и религиозные эмигранты (духоборы и молокане).

С лета 1921 г. командование Русской армии, заручившись согласием правительств Королевства Сербов, Хорватов, Словенцев (Югославии) и Болгарии, начало переброску частей в эти страны. Вслед за военными потянулись и беженцы.

Через год только в Югославии проживало более 45 тыс. русских. Значительные колонии эмигрантов из России возникли в Чехословакии, Германии, Франции и других государствах Европы, в том числе и в тех, что приобрели независимость в результате распада Российской империи (Финляндии, Польше, Эстонии и других). Численное распределение эмигрантов по странам проживания постоянно менялось. Российская эмиграция первой волны напоминала собой «переливающуюся» из страны в страну массу. Это объяснялось исключительно поиском наиболее благоприятной обстановки для адаптации к жизни на чужбине.

Славянские страны были предпочтительнее для русских по причинам близости культуры и благожелательной политики властей, много сделавших для эмигрантов. В Югославии выходцы из России находились в привилегированном положении. Поскольку Россия до октября 1917 г. предоставляла сербам всю совокупность прав, вплоть до поступления на военную службу, то и русские эмигранты в Сербии пользовались широкими правами. Им предоставлялось право занятия промыслами и торговлей, право производить операции с валютой, что для иностранцев было запрещено местным законодательством.

Самой острой проблемой было физическое выживание. В этой ситуации особое значение приобретала способность эмиграции к самоорганизации, к созданию действенной структуры для решения всего комплекса проблем, связанных с жизнеобеспечением. Такой структурой стал «Центральный объединенный комитет Российского общества Красного Креста, Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов» (ЦОК). Он субсидировался державами Антанты и фактически превратился в своего рода министерство по гражданским делам, если иметь в виду, что штаб Врангеля и функционировавшие при нем учреждения занимались прежде всего вопросами обеспечения и снабжения армии. Через ЦОК шло снабжение российских беженцев продуктами питания, одеждой и прочими предметами первой необходимости. Была создана целая система по реабилитации и устройству чинов белых армий, получивших увечья. По его инициативе Лига Наций учредила должность Верховного комиссара по делам русских беженцев. 20 августа 1921 года норвежский полярный исследователь и общественный деятель Ф. Нансен дал свое согласие возглавить дело помощи русским.

Чтобы решить проблему перемещения беженцев из одного государства в другое, по его инициативе были введены «беженские паспорта», узаконенные международными соглашениями от 5 июля 1922 г. и от 31 мая 1926 г. До октября 1929 г. эти паспорта признавали 39 стран. Однако Англия, Италия, Испания, Португалия, Швеция, Дания, Норвегия, Канада, Австралия, Новая

Зеландия и некоторые другие страны закрыли свои двери для обладателей «нансеновских паспортов».²

Политический спектр эмиграции отличался необычайной пестротой: от организаций монархистов и даже фашистов до левых, социалистических, партий – эсеров и меньшевиков. В центре стояла кадетская партия, проповедовавшая либеральные ценности. Ни одна из этих организаций и партий не представляла единого политического течения и распадалась на две, три и более групп. Все они располагали печатными органами, строили планы освобождения России от большевизма и ее возрождения, разрабатывали программы и выступали с заявлениями по тем или иным политическим вопросам.

Кадеты, расколовшиеся после поражения в Гражданской войне на правых и левых, издавали две газеты: «Руль» в Берлине под редакцией В.Д. Набокова и И.В. Гессена и «Последние новости» в Париже под редакцией П.Н. Милюкова.

Эсеры издавали печатные органы с популистскими заголовками: «Революционная Россия» (центральный орган) под редакцией лидера партии В.М. Чернова и «Воля России» – в Праге под редакцией В.Л. Лебедева, М.А. Слонима, В.В. Сухомлина и Е.А. Сталинского. В Париже выходил журнал «Современные записки» под редакцией Н.Д. Авксентьева, М.В. Вишняка и В.В. Руднева. В Ревеле в начале 20-х гг. эсеры специально для распространения в Советской России издавали газету «За народное дело» и журнал «За народ». Меньшевики выпускали в Берлине один из самых объемных журналов в эмиграции – «Социалистический вестник» под редакцией Л. Мартова, Ф. Абрамовича и Ф. Дана.

Кроме этих основных печатных органов существовали десятки эмигрантских журналов и газет самых различных направлений.

Не менее разнообразной была общественно-политическая жизнь дальневосточной ветви российской эмиграции. Наиболее сильно здесь были представлены монархисты. Еще в 1922 г. из Приморья в Харбин переехали 13 монархических обществ и организаций. Однако, как и в Европе, эти силы оказались расколотыми. Самая крупная организация – «Союз легитимистов», возглавляемый генералом В.А. Кислицыным, – поддерживала вел. кн. Кирилла Владимировича. Другие отдавали предпочтение вел. кн. Николаю Николаевичу. Опираясь на офицерский корпус военных и казачьих частей, имея поддержку духовенства, западных эмигрантских сил и отчасти китайских властей, монархисты были не только самой многочисленной частью политической эмиграции в Китае, но и самыми непримиримыми борцами против большевистской власти в России.

Параллельно возникли новые направления.

В 20-е гг. частью русской диаспоры в Харбине был профессорско-преподавательский состав российских университетов, большинство представителей которого являлись приверженцами идей кадетской партии. Еще в конце Гражданской войны наиболее дальновидные члены партии предложили сменить тактику борьбы с большевиками. Профессор Харбинского

юридического факультета Н.В. Устрялов в 1920 г. издал сборник своих статей «В борьбе за Россию». В нем проповедовалась мысль о бесперспективности нового военного похода против Советов. Более того, подчеркивалось, что большевизм защитил единство и независимость России, а Белое движение связало себя с интервентами. «Начинать сначала то, что практически не удалось при несравненно лучших условиях и при неизмеримо богатейших данных, – могут, в лучшем случае, лишь политические Дон-Кихоты», – считал Устрялов.

Летом 1921 г. в Праге вышел сборник статей «Смена вех», ставший программой нового политического течения в Российском зарубежье. Авторы статей (Ю.В. Ключников, С.С. Лукьянов, Ю.Н. Потехин и другие) считали: если неудача революции нежелательна для интеллигенции, а ее победа в той форме, в какой она осуществилась, непонятна, то остается третий путь – перерождение революции. Одновременно в Париже П.Н. Милюков, лидер кадетской партии, опубликовал статью «Что делать после Крымской катастрофы?» с аналогичными выводами. Не принимая большевизма и примирения с ним, он считал, что должны кардинально измениться методы его преодоления для восстановления России как великого и единого государства. Провозглашаемая «новая тактика» должна была ориентироваться на внутренние антибольшевистские силы России (крестьянское повстанческое движение и т.д.).

Размышление о судьбах России, о специфике ее геополитического положения, приведшей к победе большевизма, реализовались в новом идеологическом направлении – евразийстве.

Родоначальниками евразийства стали молодые талантливые ученые: филолог Н.С. Трубецкой, музыковед П.П. Сувчинский, географ и экономист П.Н. Савицкий, юристы В.Н. Ильин и Н.Н. Алексеев, философ-богослов Г.В. Флоровский, историки М.М. Шахматов, Г.В. Вернадский, Л.П. Карсавин. Евразийцы начали свою публицистскую деятельность в Софии в 1920 г., а затем продолжили ее в Праге, Париже и Берлине. Они выпускали сборники «Евразийская хроника» в Праге и «Евразийский временник» в Берлине и Париже, а со второй половины 20-х гг. печатали во Франции газету «Евразия». Культивируя самобытность России, они готовы были примириться и с советскими преобразованиями, если они шли на пользу этой самой исторической социально-культурной индивидуальности российской государственности.

В середине 20-х гг. начала угасать надежда на скорое возвращение в Россию, освободившуюся от ига большевиков. Этому способствовала «полоса признания» СССР правительствами европейских и азиатских государств. Дипломатические успехи большевистской власти, основанные на умелом использовании заинтересованности многих стран в возобновлении торгового обмена с Россией, пагубно отражались на правах эмигрантов.

После установления в 1924 г. дипломатических отношений между СССР и Китаем советское правительство отказалось от прав

и привилегий, касающихся всех концессий, приобретенных царским правительством, в том числе от прав экстерриториальности в районе КВЖД. Согласно ряду дополнительных соглашений прекращалась служба русских эмигрантов в китайской армии и полиции, а КВЖД объявлялась чисто коммерческим предприятием, управляемым на паритетных началах СССР и Китаем. В соответствии с советско-китайскими договоренностями на железной дороге имели право работать лишь советские и китайские граждане, что нанесло серьезный урон эмигрантам, не имеющим подданства.

Поэтому часть эмигрантов, чтобы сохранить за собой место работы, перешла в советское подданство и получила советские паспорта, часть – в китайское подданство, остальные же должны были получать и ежегодно обновлять так называемый «годовой вид на жительство в Особом районе восточных провинций». Состоятельные эмигранты в поисках более комфортных условий жизни перебирались из Харбина в США и страны Западной Европы. Остались и пытались приспособиться к местным условиям те, кому не на что и некуда было ехать.

Схожие процессы имели место и в западноевропейских странах.

Так, во Франции до 1924 г., когда французское правительство признало СССР и установило с ним дипломатические отношения, в Париже действовало русское посольство, а в ряде крупных городов – русские консульства. Посол бывшего Временного правительства В.А. Маклаков пользовался немалым влиянием во французских правительственных кругах, благодаря чему русские дипломатические представительства защищали интересы эмигрантов, выдавая им различные документы, удостоверяющие их личность, социальное положение, профессию, образование и т.п.

Особое значение имела помощь русских дипломатических представительств эмигрантам, решившим принять подданство той страны, где они проживали, поскольку у многих не было ни денег, ни возможности осилить все юридические формальности, требуемые в таких случаях.

Признание СССР повлекло закрытие русских посольств и консульств в европейских странах, что значительно затруднило защиту прав российских эмигрантов.

Серьезные перемены происходили в рядах военной эмиграции – одной из крупнейших частей Российского зарубежья. В середине 20-х гг. армия трансформировалась в конгломерат различных военных обществ и союзов. В этой ситуации генерал П.Н. Врангель, формально сохранявший звание главнокомандующего Русской армией, в 1924 г. создал Русский общевоинский союз (РОВС).

К концу 20-х гг. РОВС объединил под своим началом большинство военных организаций. По данным штаба Врангеля, в 1925 г. РОВС насчитывал в своих рядах 40 тыс. человек. Поначалу РОВС финансировался из сумм, находившихся в распоряжении командования Русской армии, но они скоро иссякли.

Поскольку в мировом сообществе отсутствовали силы, готовые открыто финансировать консервативную военную организацию, выступающую за воссоздание Российской империи, главным источником средств РОВС стали членские взносы и пожертвования, которых было далеко не достаточно для развертывания полномасштабной деятельности. Вместе с тем некоторые структуры РОВС пошли на сотрудничество с разведками иностранных государств, при их финансовой и другой поддержке проводя разведывательные операции против СССР.

С другой стороны, РОВС оказывал юридическую и материальную помощь военным эмигрантам. Многие нетрудоспособные эмигранты получали различные пособия, некоторые были устроены в больницы и дома престарелых. Немало делалось в историко-мемориальной области: собирались материалы по истории войсковых частей периода Гражданской войны, создавались военные музеи.

Главная задача, поставленная Врангелем перед РОВС, – сохранение кадров армии в условиях эмигрантского рассеяния и добывания офицерами средств на жизнь собственным трудом – была решена не до конца. Формально объединив значительную часть российской военной эмиграции, РОВС не смог создать широкого и боеспособного военно-политического движения за рубежом. Противоречия внутри руководства и призывы к военной интервенции против СССР привели к изоляции РОВС, конфронтации с демократическими силами эмиграции, конфликтам с правительствами Франции, Германии и Болгарии, оттоку солдат и казаков из военных организаций.

В 1929 г. во время вооруженного конфликта на КВЖД военной частью эмиграции была предпринята попытка реализовать на практике идею возобновления борьбы с большевистской властью. С китайской территории через границу СССР были направлены вооруженные белые отряды, имевшие целью поднять восстание и разгромить советские пограничные гарнизоны. Однако теория вооруженного вторжения эмигрантских военных формирований на территорию СССР не выдержала проверки практикой: население не оказало им поддержки, а противостоять регулярным частям Красной армии они не смогли.

ГПУ – ОГПУ – НКВД, широко прибегая к вербовке агентов среди эмигрантов и созданию подставных подпольных организаций в СССР, стремились парализовать разведывательную и диверсионную деятельность РОВС, ликвидировать самых непримиримых его руководителей. В результате РОВС не сумел организовать антисоветское подполье в СССР, все проекты создания антибольшевистского движения на его территории так и остались на бумаге. Контрразведка РОВС не смогла обеспечить защиту организации и ее руководства от «активных мероприятий» советских органов госбезопасности: 1930 г. в Париже был похищен председатель РОВС генерал А.П. Кутепов, в 1937 г. – генерал Е.К. Миллер.

Несмотря на правовые, материальные и другие сложности жизни в изгнании, эмиграция думала о будущем. «Сохранить

национальную культуру, приучить любить детей все русское, воспитать подрастающее поколение для будущей России, закалить его волю, выработать твердый характер» – такая задача ставилась перед эмигрантскими учебными заведениями. В эмиграции сохранилась та же система образования, которая существовала в дореволюционной России: начальная школа (государственные, земские и церковно-приходские), средняя школа (гимназии, реальные училища), высшие учебные заведения (институты, университеты, консерватории). Среди выходцев из России насчитывалось 16 тыс. студентов, чья учеба была прервана мировой войной и революцией. За 10 лет изгнания 8 тыс. молодых людей получили высшее образование, главным образом в Чехословакии и Югославии.

Россию покинуло около 3 тыс. дипломированных инженеров, сотни образованных специалистов во всех направлениях естественных, технических и гуманитарных наук. Правительства государств, где оказались беженцы, проявили к ним много доброжелательности и человеческого сочувствия. Но, помимо выражения этих чувств, в их действиях была и существенная доля своекорыстия и меркантильности. Среди русских эмигрантов было немало научной и технической интеллигенции. Приток профессорско-преподавательских кадров, ученых и инженеров сыграл заметную роль в оживлении научной и культурной жизни ряда европейских и азиатских стран.

Правительства этих государств оказывали существенную помощь русским эмигрантским организациям, не обладавшим своими достаточными средствами, в деле организации обучения российских детей и молодежи. В начале 1921 г. по инициативе помощника министра иностранных дел Чехословакии Гирсы был подготовлен государственный культурно-просветительный план помощи русским. Он был одобрен президентом страны Т. Масариком. Чешское правительство выделило средства на содержание студентов, находившихся на территории Чехословакии. С конца 1921 г. Чехословакия стала принимать русских студентов из других стран. Весной 1922 г. 1 700 русских студентов стали стипендиатами чехословацкого правительства. Они были расселены в общежитиях и частично на частных квартирах, получили одежду, питание, деньги на карманные расходы. До образования русских учебных заведений студенты распределялись по высшим учебным заведениям Чехословакии в Праге, Брно, Братиславе и других городах. На эти цели власти Чехословакии израсходовали большие суммы. Ассигнования, начавшись с 10 млн. чешских крон в 1921 г., перевалили за 300 млн. к 1926 г.

Власти Чехословакии, как и других европейских государств, в начале 20-х гг. были убеждены, что большевизм не продержится в России более пяти – семи лет, а после его гибели молодежь, получившая в республике образование, вернется в Россию и «послужит там закваской для образования нового европейского демократического государственного строя». Благодаря помощи правительства эмигрантам удалось образовать в Чехословакии целый ряд русских учебных заведений: Русский юридический

факультет, Русский педагогический институт имени Яна Амоса Каменского, Русское железнодорожное техническое училище и другие.

В Харбине существовало шесть высших учебных заведений, в Париже – восемь.

В середине 20-х гг. чехословацкие власти начали свертывать «русскую акцию помощи». «Союз русских студентов в Пшибраме» сообщал в МИД Чехословакии, что к началу 1931 г. «русские студенты были лишены правительственных стипендий», на предприятиях идут увольнения и в «числе увольняемых со службы инженеров в первую очередь оказываются русские, притом и те, в коих предприятия нуждаются».

На то было несколько причин. Мировой экономический кризис конца 20-х гг. затронул все отрасли хозяйства, науку и культуру. В этой обстановке все настойчивее звучали требования чехов, прежде всего трудящихся, ограничить выделение средств и рабочих мест «бывшим белогвардейцам». С другой стороны, власти не могли не реагировать на протесты СССР, как официальные, так и в средствах массовой информации, против «подкармливания белогвардейцев».

В этой ситуации русская высшая школа стала менять свой характер и направленность, переходя на подготовку специалистов для тех стран, где оказались эмигранты. Многие учебные заведения стали закрываться или преобразовываться в научно-просветительские центры. Материальная помощь правительств и общественных организаций стран, приютивших эмигрантов из России, быстро иссякала. Главным источником финансирования стала собственная коммерческая деятельность эмигрантских учебно-научных заведений.

Среди эмигрантов были ученые, заслужившие мировую известность: авиационный конструктор И.И. Сикорский, разработчик телевизионных систем В.К. Зворыкин, химик В.Н. Игнатъев и многие другие. Согласно данным анкетирования 1931 г., в эмиграции находилось около 500 ученых, в том числе 150 профессоров. Успешно работали научные институты в Белграде и Берлине. Русские академические группы имелись почти во всех крупных столицах, из которых Парижская и Пражская имели право присуждения ученых степеней.

Российские эмигранты оказали огромное влияние на развитие мировой культуры. Писатели И.А. Бунин и В.В. Набоков, композитор С.В. Рахманинов, певец Ф.И. Шаляпин, балерина А.П. Павлова, художники В.В. Киндинский и М.З. Шагал – это маленькая толика перечня русских мастеров искусств, работавших за рубежом.

На общественных началах было создано 30 эмигрантских музеев.

Из архивохранилищ наибольшую известность приобрел Русский заграничный исторический архив в Праге (РЗИА). Он был образован в феврале 1923 г. и до 1924 г. назывался Архивом русской эмиграции. Архив провел регистрацию всех военных, политических и культурных организаций, находящихся в

эмиграции. В эти организации были направлены информационные сообщения об образовании архива с просьбами о передаче на хранение их материалов. До конца 30-х гг. в архив передали свои документы сотни русских организаций и деятелей эмиграции. В 1939 г., после оккупации Чехословакии Германией, архив оказался под контролем МВД фашистского рейха. После окончания Второй мировой войны по требованию советского правительства архив был передан СССР. 650 ящиков материалов российской эмиграции 20 – 40-х гг. были перевезены в Москву. Решением НКВД СССР доступ к документам был строго ограничен. И только весной 1987 г. документы организаций и деятелей эмиграции начали рассекречиваться, став основой источниковой базы для изучения истории Российского зарубежья нынешним поколением историков.

К специфическим чертам российской эмиграции как особого социально-культурного феномена следует отнести устойчивую преемственную связь всех волн по сохранению и развитию национальной культуры, а также открытость к культурам стран проживания и свободное взаимодействие с ними. В совокупности своей они обусловили приверженность эмигрантов к корням, оставленным в России, их ощущение себя органической частью национальной культуры и, следовательно, взаимодействие регионов расселения, давшее возможность не утратить духовно-культурную целостность. Все это происходило в условиях культурной интеграции, представлявшей собой сложный процесс перехода от «культурного шока» с его элементами враждебности, изоляции и дезорганизации, к ситуации, когда элементы собственной и чужой культуры, контактируя и проходя через конфликты между разными культурными стереотипами, стали сливаться.

Источники и литература

Источники

Дiaspora: Новые материалы. Вып. I. СПб., 2001.

Политическая история русской эмиграции, 1920 – 1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999.

Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Документы и материалы. М., 1998. Т.1. Так начиналось изгнание, 1920 – 1922 гг. Кн.1. Исход; Кн.2. На чужбине.

Гессен И.В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979.

Одоевцева И. На берегах Сены // Одоевцева И. Избранное. М., 1998.

Литература

Александров С.А. Лидер российских кадетов П.Н. Милюков в эмиграции. М., 1996.

Березовая Л.Г. Культура русской эмиграции (1920 – 30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 3(5).

Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. СПб., 2001.

Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания: Константинополь, Берлин, Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. М., 1999.

Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919 – 1939. М., 1994.

Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20 – 40-х годов. М., 2000.

Примечания:

¹ Диаспора (греч., англ., нем. diaspora – рассеяние) – значительная часть народа (этнической общности), пребывающая вне страны его основного поселения.

² Проблема правового регулирования статуса российских эмигрантов освещена в заметке О.А. Чировой, помещенной в настоящем номере.